

ДРЕВНЯЯ ТАВРИКА ДО РИМСКОЙ ОККУПАЦИИ

Проф. В. Н. Дьяков

1

Известно, как трудно на основании показаний Геродота и других древних авторов установить местоположение и границы древней Скифии. Не менее трудно установить и границы древней Таврики. Прежде всего, уже само название «Таврика» древние географы употребляли в двояком значении. Обычно они называли Таврикой (ἡ Ταυρικὴ) не весь современный Таврический, или Крымский, полуостров, а только горную южную и юго-западную его часть (ἡ ὄρεινὴ χώρα—Геродот, IV, 99; ἡ ὄρεινὴ τῶν Ταύρων—Страбон, VII, 4, 3—4), населенную народом тавров. Для обозначения всего Крымского полуострова большинство древних писателей более позднего времени употребляет другое название, а именно: «Таврический Херсонес»¹. Однако эта номенклатура не являлась вполне выдержанной даже в римскую эпоху, когда географические сведения древних о Черноморье стали достаточно полны и точны. Так, Плиний² под Таврикой понимает еще весь Крымский полуостров—и его степную и горную части: «От Каркинита,—пишет он,—начинается Таврика (Taυγίσα), которая некогда также была залита морем везде, где теперь расстилаются равнины; далее она подымается обширными горными хребтами... Самый хребет занимают скифотавры». Таким образом, сама неопределенность названия страны дает повод к разногласиям в определении ее территории. С другой стороны, сообщения древних авторов о размерах и границах Таврики в собственном смысле в большинстве случаев не только весьма отрывочны и неясны, но, кроме того, еще и разновременны: ведь сами эти границы страны тавров с течением времени могли изменяться и даже совсем стираться, что должно было особенно сказываться на показаниях поздних авторов, как Страбон и Плиний.

Всего более определенные, полные и точные сведения о географическом положении Таврики в собственном смысле, т. е. страны тавров, сообщает нам Геродот (IV, 99—100). Он, несомненно, очень широко использовал сообщения Гекатея и других древнейших ионийских путешественников и географов, исключительной осведомленности и точности которых удивляется современная наука. А вместе с тем он же, равно как и его источники, является главным виновником того смещения Таврики и Таврического

¹ Так, Псевдо-Скимн, Землеописание, 820; Страбон, География, VII, 4, 1; Арриан, Перипл, 30; Птолемей, Географическое руководство, III, гл. IV, 1.

² Плиний, Естественная история, IV, § 85, перевод Латышева (Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, II, стр. 173). В дальнейшем тоже цитаты и переводы даются по Латышеву.

полуострова, которое будет приводить к недоразумениям почти что до наших дней¹.

Причина этого в том, что древнейшие авторы, писавшие о Понте, несмотря на свои уже совершенно отчетливые и точные представления о стране тавров, имеют еще весьма смутные и спутанные сведения об общей конфигурации северных берегов Черного моря. Так, даже Геродот не может еще правильно обрисовать форму Крымского полуострова. Ему еще неизвестны ни Перекопский перешеек, ни Сиваш, ни Тарханкутский мыс; территорию Крыма он сокращает против действительной более чем вдвое и знает только его юго-восточную половину. Станным образом он не упоминает и ни одного из греческих поселений на Крымском побережье, хотя, как известно, Нимфей в его время являлся, повидимому, даже членом Афинского союза. Но зато этот преуменьшенный Крым, и в особенности ту его часть, которая занята народом тавров,—Таврику, он умеет очертить с поразительной точностью и в географическом и в этнографическом отношении. Таврика—страна гористая, сообщает он. Начинается она у города Керкинитиды, расположенного еще в Скифии². Отсюда она к югу глубоко выступает в Понт в виде мощного мыса, значительно большего, чем Сунийский мыс в Аттике. На востоке ее границей является так называемый Суровый (τραχύϊα) полуостров³, который выдается уже по направлению к востоку (т. е. Керченский). Здесь «за Таврикой» живут ужескифы, занимающие земли на берегу Киммерийского Боспора и Меотидского озера (IV, 100). Эту восточную границу между Таврикой и Скифией Геродот умеет определить еще точнее: страна тавров к востоку простиралась до того «рва, который выкопали потомки слепых» (IV, 20) и который шел «от Таврических гор до наиболее широкой части Меотидского озера» (IV, 3), т. е. от Феодосии на северо-восток: «город Феодосия,—по словам Страбона,—был прежде границей владений боспорян и тавров»⁴.

Указав, таким образом, западную (морской берег на юг от Керкинитиды) и восточную (восточный край Таврических гор, т. е. Феодосия) границы Таврики, Геродот ясно отмечает и северную границу этого большого гористого выступа, или мыса, который составлял страну тавров, где «выше тавров» тоже «живут уже скифы» (IV, 100). Она шла по прямой линии между крайними пунктами Таврики на западе и востоке—между Керкинитидой и Феодосией. Это заключение можно вывести из его сравнения Таврики с южной оконечностью Аттики и с Япигией. «Тавры занимают часть Скифии, подобно тому как если бы в Аттике не афиняне, а другой народ заселял (гористый) Сунийский выступ (τὸν ὄρον τὸν Σουνιακόν) между Форигом и демом Анафлистом... или в Япигии не япиги, а другой народ отрезал бы себе землю, начиная от Брентезия до Тарента, и владел бы мысом» (IV, 99).

Все это так определенно и ясно, что может быть не только выражено графически, что уже неоднократно делалось⁵, но и легко отложено на современной географической карте: если признать установленным, что Керки-

¹ См. Brandis, Chersonesos, RE, III, 2, стр. 2263.

² Так и Гекатей, Fr., 153; Καρχηνίτις πόλις Σκυθική.

³ Так Мищенко, Геродот, I, стр. 349. Латышев, Известия, I, стр. 40,—переводит: «Скалистый», что совсем не подходит к характеру Керченского полуострова, видимо, хорошо знакомого Геродоту. «Суровый полуостров» переводит и И. Толстой, Остров Белый и Таврика, Петроград, 1918, стр. 122; Minns, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913: «Chersonesus Aspera» (карты IV и сл.).

⁴ Brandis, Chersonesos, RE, III, 2, стр. 2254 сл.,—неправильно принимает этот «ров» за Перекоп.

⁵ Лучшее изображение Таврики по данным Геродота у E. Minns, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, карты IV и V.

нитида находилась вблизи современной Евпатории¹, то северная граница геродотовой Таврики пройдет по линии Евпатория—Симферополь—Феодосия, т. е. по северным отрогам Крымских гор. Таким образом, весь горный Крым, со всеми тремя цепями его гор, и будет составлять геродотову Таврику.

Это геродотовское определение границ древней Таврики можно смело принять за исходное, так как оно находит себе полное подтверждение в известном нам теперь эпиграфическом и археологическом материале. Так, знаменитая Херсонесская надпись в честь Диофанта (около 100 г. до н. э., IPE, I², 352) говорит о «царских (т. е. скифских) крепостях» (*βασίλεια*) Хавэях и Неаполе (*Χαβαῖοι καὶ Νέα πόλις*), как о ближайших к Херсонесу городищах скифов, переходивших во время войны греков со скифами из рук в руки, хотя эти крепости, как можно понять из самой надписи, находились уже в средней части Крымского полуострова, в районе современного Симферополя. Городище Неаполь (под Симферополем), раскопанное в 1926 г. проф. Н. Л. Эрнстом, показало смешанный инвентарь, характерный для поселений скифов, пограничных с греческими: черепки плохо обожженной скифской посуды, грубые железные орудия, примитивные скифские рельефы; вместе с тем обилие греческих амфор III—II вв., привозные египетские ушебти и скарабеи, финикийские стеклянные изделия и даже греческие надписи свидетельствуют о частых сношениях местных скифов с эллинами и даже о длительном пребывании последних в этом городище².

С другой стороны, боспорские надписи царей Левкона (387—347) и его сына Перисада I (347—309), которые именуются «архонты Боспора и Феодосии» (IPE, II, 6, 10, 15), подтверждают также, что именно от Феодосии начинались «крайние пределы тавров», упоминаемые в посвянительной надписи Фебу эпохи Перисада I (IPE, II, 9, *τέρμονες ἄκροι Ταύρων*), как границы владений Боспора.

Но лучшим подтверждением является район распространения погребений в каменных ящиках, справедливо признаваемых наиболее характерными памятниками культуры тавров. Они зарегистрированы на всей территории Крымских гор, во всех трех горных цепях—от Евпаторийского района и до Отуз. Последние северные их группы встречаются и в окрестностях Бахчисарая—близ Черкес-Кермена, Бешуя, б. Успенского монастыря, и на север от Севастопольской бухты—у Камышлы, Дуванкоя и т. д.³ Наоборот, из степного Крыма идет ряд скифских курганных погребений⁴ и древних каменных баб, типичных для культуры других степняков⁵.

¹ В. Латышев—в «Материалах по археологии России», 1891, № 9, стр. 6 сл.; Романченко, К вопросу о древнем поселении вблизи Евпатории, «Археологическ. известия и заметки», изд. Мос. Арх. об., 1894, т. II, стр. 9—15; Моисеев, Из истории западного побережья Тавриды, I, Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории, «Изв. Тав. Уч. Арх. Ком.», 1918, № 54, стр. 241—259; П. Я. Чепурин, Евпатория—Керкинитида как часть Херсонесского округа. 2-я конференция археологов, 1927, стр. 35, 36; В. Ф. Штифтер, Евпатория—Керкинитида. 2-я конференция археологов, 1927, стр. 34—35; М. А. Наливкина, Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации, «Пробл. истор. докапит. обществ», 1934, № 9—10, стр. 161 сл.

² Н. Л. Эрнст, Неаполь Скифский. 2-я конференция археологов, 1927, стр. 23—28. См. также экспонаты Музея Тавриды в Симферополе.

³ См. карту их расположения у Репникова—«Изв. Тав. Уч. Арх. Ком.», № 44.

⁴ См. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 396 сл., «Подгруппа скифских курганов Крыма».

⁵ Список их см. «Изв. Тав. Уч. Арх. Ком.», 1906, № 36, стр. 84 сл.; Ружицкий, Краткое сообщение о каменных бабах в Тавр. губ., «Изв. Тав. Уч. Арх. Ком.», № 39, стр. 11 сл.; Веселовский, К вопросу о каменных бабах в Тавр. губ., «Археол. известия и заметки», 1895, № 2—3, стр. 65—66.

Таким образом, геродотовское разграничение областей тавров и скифов следует признать совершенно правильным и точным. Северо-западную границу древней Таврики надо начинать на юг от Керкинитиды—Евпатории и отсюда вести ее по линии Бахчисарай—Феодосия. Под древнейшей Таврикой следует понимать всю область Крымских гор, не только первую, но и всю вторую и третью ее гряды. Ошибка Геродота и его ионийских источников заключается лишь в том, что этот горный Крым они принимали за весь Крымский полуостров, который они еще сводили к простому гористому «мысу» на скифском берегу, и таким образом стали виновниками недоразумений в смысле смешения этих двух различных территорий у писавших после них древних географов, высоко ставивших их авторитет и не считавших нужным критически относиться к их показаниям.

Позднейшие греческие и римские писатели дают немало новых ценных и детальных данных о стране тавров, но никто из них уже не указывает с такой определенностью, как Геродот, ее внешних границ. Так, перипл, приписываемый Скилаку (конец VI в.), но на самом деле составленный лишь в IV в. до н. э., видимо, на основании новых сведений аттических купцов, торговавших с Боспором, впервые упоминает эллинский торговый город Херсонес в Таврической земле, а за Таврикой, «где опять живут уже скифы»,—эллинские города Феодосию, Китей, Нимфей, Пантикапей, Мирмеккий; более точные сведения даются и о таврском побережье между Херсонесом и Феодосией—упоминается впервые «мыс Таврической земли Бараний лоб» (Κριοῦ Μέλτωπον): «от Истра (Дуная) до него три дня прямого пути и три ночи, а вдоль берега вдвое... От Бараньего лба до Пантикапея день и ночь пути»¹. Однако границы Таврики не указываются совсем: «за скифской землей народ тавры заселяют мыс материка; а мыс этот вдается в море»—вот все, что может сказать перипл Скилака о конфигурации земли тавров. Как видим, север Крымского полуострова попрежнему еще не известен, и Таврика, как и у Геродота, непосредственно примыкает в виде мыса к Скифскому «материку».

Сведения о Таврике греческих географов и этнографов IV века и эллинистической эпохи—Эфора (IV в.), Эратосфена (III в.), Артемидора Эфесского (конец II в.), Аполлодора (конец II в.), Посидония (начало I в.), как известно, для нас потеряны, и мы лишь косвенно можем судить о них по «Землеописанию» Псевдо-Скимна (около 90 г. до н. э.), «Географии» Страбона и пр., для которых они послужили главными источниками. Но в смысле определения территории Таврики мы и здесь не находим ничего нового и более точного; наоборот, появляются некоторые запутывающие нас данные, отчасти географического, отчасти исторического характера.

Страбон (VII, 4) вносит дальнейшую ясность и точность в античные представления о Крымском полуострове: он называется у него уже «Таврическим и Скифским Херсонесом» (ἡ Ταυρικὴ καὶ Σκυθικὴ λεγομένη Χερρόνησος); он знает Перекопский перешеек—«Истм (ισθμός) шириною в 40 стадий (=7½ км), отделяющий так называемое Гнилое озеро от моря» (Σαπρὰν λίμνην ἀπὸ τῆς θαλάσσης. VII, 4, 1). Этот «большой полуостров» (Μεγάλη Χερρόνησος) и по величине его и по виду он уже сравнивает не с Сунийским мысом, как Геродот, а с целым Пелопоннесом (VII, 4, 5) и отчетливо делит его на две части: первая—это горная область тавров (ἡ ὄρεινὴ τῶν Ταύρων. VII, 4, 3; ἡ ὄρεινὴ... Ταύρων γῆ. VII, 4, 4), вторая—степная, «остальная часть полуострова—равнина с хорошей почвой, чрезвычайно богатая хлебом» (VII, 4, 6). Он дает много крайне ценных подробностей и о городе Херсонесе, о Боспорском царстве и его городах, о скифах, населявших внутренние районы Херсонесского полуострова. О Таврике

¹ Л а т ы ш е в, Известия, I, стр. 84.

в собственном смысле, т. е. о стране тавров (Ταύρων γῆ), он говорит, что это гористая область, и даже называет отдельные горные вершины: Трапезунд (ὁ Τραπεζοῦς, т. е. Столовая гора — Чатыр-даг), гора Киммерий (Κιμμερίων), мыс Бараний лоб (Κριοῦ Μέντωπον) (VII, 4, 3). Однако точных границ Таврики и Страбон не указывает, по крайней мере, для своего времени.

Неопределенность границ Таврики у Страбона можно поставить в связь и с недостаточной его общей осведомленностью об этнографических и политических отношениях на Таврическом полуострове, как они складывались здесь к началу I века н. э. Например, явным недоразумением следует считать такое его замечание (VII, 4, 5): «раньше скифское племя тавров занимало наибольшую часть страны до перешейка и Керкинитского залива, и вся эта страна, пожалуй, и область за перешейком до Борисфена, называлась Малой Скифией... а теперь всем Большим Херсонесом владеют боспорские цари, после того как он сильно пострадал от непрерывных войн». Первая часть этой фразы — явно ни на чем не основанный домысел, вторая — определенный анахронизм, противоречащий несомненному факту, что скифы и их союзники продолжали и в I в. н. э. оставаться грозой греческих городов Крымского побережья (IPE, I², 369). Страбон пользовался хорошими источниками для истории Боспора, но они в большинстве, повидимому, не позднее эпохи царя Митридата VI Евпатора (οἱ δὲ τὰ Μιθριδατικὰ συγγραψάντες. XI, 2, 14) и потому несколько устарели к его времени. Он сам ссылается на Посидония и Аполлониду, рассказывая о войнах со Скигуром и Паллаком; может быть, он пользовался и какими-нибудь боспорскими хрониками той же эпохи, откуда почерпнул сведения о победах Диофанта, Неоптолема и других «царских воевод» (VI, 4, 3). Но о Фарнаке, об Асандре и о Полемоне мы у него находим лишь краткие упоминания, повидимому, заимствованные из Гипсикрата (VII, 4, 6) и касающиеся лишь восточных владений Боспорского царства (XI, 2, 3, 11), и с эпохи Митридата он прямо, пропуская всю бурную историю Боспора за вторую половину I в. до н. э., перескакивает, по крайней мере, в отношении Таврического полуострова, к своему времени: «с тех пор и доныне» (μέχρι νῦν) город Херсонес подчинен владыкам Боспора (VII, 4, 3), а «боспорцы покорны римлянам» (VII, 4, 2). Естественно поэтому, что и победы митридатовых воевод представлялись ему более полными и решительными, чем они были на самом деле, почему и Скифию и «Таврическое побережье» (Ταυρικὴ παραλία) он склонен рассматривать лишь как простые области Боспорского государства.

Плиний (IV, 85), как мы уже видели, тоже ошибочно весь Таврический полуостров называет Таврикой, и степную и горную его части, которые он тоже ясно различает; тем не менее он значительно лучше Страбона осведомлен о его населении, о различных его племенах и о занимаемых ими территориях в его время. «Внутри страны (за горами, на равнине) живут 23 племени (не-таврские!), у которых 6 городов: Оргокены, Харакены, Ассираны, Стактары, Акисалиты, Кариарды. Самый хребет занимает скифотавры (после Страбона это название становится обычным): они с запада граничат с Херсонесом Новым, а с востока со скифами сатавками». На южном побережье, сразу за мысом Парфением, «Таврский город Плакия, (таврский?) порт Символов, мыс Бараний лоб... За ним лежат многие таврские порты (ab eo Ταυρογum portus multi)...» Далее — город Феодосия и пр. Таким образом, у Плиния Таврика в собственном, узком смысле вновь выступает как страна со вполне определенно установленными границами. Плиний — последний античный писатель, который дает нам изображение Таврики до ее полного покорения римлянами и уже в момент первого соприкосновения с ними. Его известия

нам тем интереснее, что он, как римский адмирал, имел возможность использовать рапорты, доклады и топографические съемки римских военных и моряков, составившиеся в эпоху Августа, Клавдия и Нерона, когда римские эскадры и военные отряды стали часто появляться на Боспоре и в Херсонесе. Его топографические данные, опираясь на эти новые и верные источники, отличаются особой полнотой и точностью. И что же? В отношении границ Таврики в собственном смысле они полностью совпадают с Геродотом. Тавры, согласно Плинию, занимают весь горный хребет на запад от ближайших окрестностей Херсонеса и до Феодосии. Они утратили, повидимому, лишь район Евпатории, надо полагать, в эпоху, когда Диофант «подчинил себе окрестных тавров и основал город (Евпаторию) на том месте», как сообщает об этом херсонесская надпись в его честь. Таким образом, благодаря Плинию, с одной стороны, полностью подтверждаются сведения Геродота о границах и протяжении страны тавров, с другой—оказываются добавочные доказательства неточности указаний Страбона, которые, может быть, уже слишком импонировали современным исследователям и вносили путаницу в вопрос о местоположении и границах древней Таврики. Таврика—это весь горный Крым, весь его хребет, все три цепи Крымских гор, от Евпатории и до Феодосии, как то правильно определил уже Геродот. И такой она в общем оставалась в продолжение 500 лет от Геродота и до времени Плиния, может быть, лишь частично урезанная на западе и на востоке в эпоху наибольшего могущества Боспорского царства при Митридате.

2]

Географическая самобытность Таврики—единственного горного оазиса среди моря припонтйских степей—помогла ей сохранить и особое этническое лицо. Она представляла собой особую этническую область, населенную народом не скифского племени, а, как правильно выражается Геродот, «другим народом» (ἄλλο ἔθνος). Перипл Скилака тоже совершенно определенно отличает тавров от скифов.

Есть основание полагать, что тавры представляли собою последний остаток киммерийцев, которые во II тысячелетии до н. э. занимали все северное Черноморье, от Кубани и Дона до Дуная¹. Киммерийцы, повидимому, принадлежали к семье фракийских народов², откуда их тесная связь с дунайским (венгерским) очагом культуры бронзового века, а через нее и с мегалитической культурой Западной Европы³.

В VIII—VII вв. до н.э. киммерийцы были вытеснены скифами в Переднюю и Малую Азию. Как свидетельствуют халдские и ассирийские надписи, они громят в VIII в. из Закавказья Ванское царство (Урарту) при царях Руса I и Руса II, а в VII в. при Асархадоне (680—668) и его преемниках уже вместе с халдами и мидянами, под именем Gimiri или Gamirra (библейские Gomer), теснят ассирийцев⁴. Полагают, что другой их поток направился в Малую Азию через Геллеспонт и Троя VII является их поселением⁵.

¹ В. А. Городцов, К вопросу о киммерийской культуре, «Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАН ИОН», 1928, вып. 2, стр. 48; C. F. Lehmann-Haupt, Kimmier, RE, XI (1922), 5. 397 f.

² Так, М. Ростовцев, М. Ebert, В. А. Городцов (последний с оговорками); иные сближают их с итало-кельтами (E. Minns, Penka), с фригийцами (Weininger). См. I. Lewy, Kimmier в M. Ebert, Reallexicon der Vorgeschichte, 1926, Bd. VI, S. 346 ff.; В. А. Городцов, ук. соч., стр. 46—61.

³ M. Ebert, Südrussland im Alterthum, 1921, S. 78—79.

⁴ Б. Тураев, История древнего Востока, стр. 65 и 76; I. Lewy, Kimmier, S. 346 ff.

⁵ M. Ebert, Südrussland im Alterthum, S. 78—79. Здесь сводка всех более ранних работ по этому вопросу.

Остатки же их в Европе были загнаны скифами из южных степей за Перекоп и удержались в горах Крымского побережья под именем тавров¹.

Имя этого народа—тавры (Ταῦροι)—известно только в греческом написании. И ввиду того, что по-гречески ταῦροι обозначает «быки», были попытки делать отсюда совершенно произвольные и неосновательные выводы. Так, И. Толстой полагает, что этот народ крымских горцев получил от греков, еще задолго до Геродота, такое название «быков» по причинам сакральным и мифологическим, в связи с локализацией в Крыму древнего мифа о загробной таинственной стране «божественного Быка» и его народа². Но, как указал Ростовцев И. Толстому, «имя тавров не культового происхождения, а является грецизацией местного названия народа, туземного произношения которого мы пока не знаем³. Примером этому является и греческое искаженное имя «киммерийцы»: Gimiri, Gamirra; как звучит это название в восточных памятниках, передается греками словом *κιμῆριοι*, потому что оно созвучно с греческим словом «зимние», северные (*χειμῆριοι*)⁴. И можно себе представить, какие фантастические выводы можно получить, если приняться выворачивать это произвольное обозначение на всякого рода «мифографический» или «этногонический» лад! Как и в примере с киммерийцами, здесь достаточно будет ограничиться признанием, что некоторое, хотя бы и отдаленное, созвучие с действительным названием народа это имя «тавры» имело, что и позволило грекам переименовать его в удобопроизносимый для них и осмысленный вид, не давая, однако, нам никаких оснований делать отсюда какие-либо иные выводы, предположения и сопоставления.

Во всяком случае, даже если отрицать смену народностей в северном Причерноморье и сводить вопрос на стадийные различия, то в хозяйственном и культурном отношении между скифами и таврами все же существовало резкое различие. Тавры, судя по документальным и археологическим источникам, стояли на крайне низкой хозяйственной ступени—несравненно ниже скифов. У причерноморских скифов земледелие и скотоводство, например, уже в эпоху Геродота имело промысловый характер. «Скифы пахари сеяли пшеницу не для собственного употребления, а только на продажу» (Геродот, IV, 17)—сами они ели только ячменный хлеб. Царские скифы были скотоводы, скотом и кожами снабжавшие эллинские колонии. Как показывают скифские курганные погребения, скифские цари и вельможи находились под сильным воздействием греческой культуры; некоторые имели даже дома в греческих городах (в Ольвии) и становились их почетными гражданами (в Херсонесе). У тавров, напротив, хозяйство было совершенно изолированное и примитивное. «Тавры народ многочисленный и любят кочевую жизнь в горах»—так характеризует их быт «Землеописание» Скимна Хиосского (830 сл.), опираясь, повидимому, на Эфора. Геродот даже утверждает, что «они живут грабежом и войной». Страбон тоже говорит о постоянных набегах тавров на поселения херсонесцев, особенно на Балаклаву (Симболон-Лимен). Безымянный автор перипла (V в. н. э.), перефразируя Скимна, характеризует хозяйственный быт тавров еще более выразительно: «Тавры народ многочисленный; ведут они образ жизни горцев и кочевников, по свирепости варвары и убийцы, которые даже своих богов умиловывают злодеяниями»⁵.

¹ Ibid., S. 79.

² И. Толстой, *Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте*, Пгр., 1918, стр. 122.

³ М. Ростовцев, *ИАК*, 1918, 65, стр. 195.

⁴ Гомер, *Одиссея*, XIV, 14 сл.

⁵ Латышев, *Известия древ. писателей о Скифии и Кавказе*, I, 283.

Надо полагать, что эта общераспространенная у всех древних авторов характеристика тавров как «разбойников и убийц» — не выдумка и не перепев древних мифов, а в значительной степени реальна и определяется характером и их страны и их хозяйства. Это заметил еще Саллюстий, если правильна ссылка на него в схолиях к Ювеналу (к «Сат.», 15, 115): «И Саллюстий (пишет): „ведь самые жестокие из всех до настоящего времени ахеи и тавры, потому что, как я догадываюсь, они принуждены жить грабежом вследствие бедности местности“»¹. Заниматься земледелием на южном берегу Крыма, при его безводии, можно лишь при весьма совершенной системе ирригации, которая, конечно, недоступна была древним поселенцам. Так что земледелие у тавров, хотя оно вообще и существовало, о чем свидетельствуют кремневые и бронзовые серпы в инвентаре каменных ящиков и даже среди находок в Кизиль-Коба, вряд ли могло подыматься над уровнем примитивного мотыжного² и играло весьма малую, лишь вспомогательную роль в их общем хозяйстве. Скотоводству в горном Крыму, хотя оно тоже существовало уже в древнейшие времена, как показывают кости домашних животных (овцы, козы, свиньи, быка) в верхних слоях той же пещеры Кизиль-Коба, в стоянках близ Нейзаца и у деревни Саблы, тоже приходится бороться с рядом неблагоприятных условий. Летние жары, при почти полном бездожде, выжигают в июле и августе всю траву, так что и в настоящее время приходится на это время угонять скот высоко в горы, на Яйлу (т. е. пастбище).

Кочевое скотоводческое хозяйство в Крыму отмечал для своего времени Иордан (VI в. н. э.), рассказывая о хозяйстве приморских гуннов. «По соседству с Херсонесом, почти у самых его стен, поселилось гуннское племя алтзиагров (altsiagiri), которые в течение лета кочуют в своих степях, останавливаясь по временам на пастбищах для кормления скота, на зиму же возвращаются в свои зимовки на берегу Понта»³.

Таким образом, в связи с неблагоприятными условиями для земледелия и скотоводства, для древних обитателей южного крымского побережья оставались доступными из хозяйственных занятий лишь охота и рыболовство, что, видимо, и составляло основной промысел тавров, тем более, что фауна Крыма была очень богата и обильна, а его рыбные богатства особенно велики. В Центральном музее Тавриды в Симферополе можно видеть целые коллекции рыболовных крючков (стоянка на Альме) и грузил для сетей, а также костяных наконечников стрел, иногда весьма примитивной формы, иногда подражающих отличным металлическим образцам, все, повидимому, таврского происхождения. А недостающую растительную пищу приходилось добывать путем набегов на соседних скифов-пахарей и на культурные области греческих городов. Наконец, господствующее стратегическое положение Таврики над Великим восточным водным путем по Черному морю — путем, по которому вдоль самых крымских берегов с незапамятного времени шли непрерывною цепью торговые корабли к устью Дона и к берегам Кавказа, — вызывало развитие

¹ Л а т ы ш е в. Известия, II, стр. 255. К таврам можно относить и все то, что Страбон (XI, 2, 12) рассказывает о пиратстве у племен Кавказского побережья — ахеев, зигов, иннохов.

² Каменные мотыги нередко встречаются среди крымских находок. О «Кизиль-Кобанской культуре» (раскопки в пещере Кизиль-Коба в 1920—1925 гг.) см. Б о н ч - О с м о л о в с к и й, Доисторические культуры Крыма, «Крым», 1929, № 2, стр. 91 сл. Здесь же о раскопках близ Саблы, у селения Нейзац и др.

³ J o r d a n i s G e t., с. 5; Е. Э. И в а н о в, Херсонес Таврический, 1912, стр. 68. «Изв. Тав. Уч. Арх. Ком.», № 46.

морского пиратства и связанный с ним обмен похищенного на нужные продукты.

Примитивному хозяйству тавров соответствовал и общий низкий уровень их материальной культуры, что с полной определенностью выясняется по археологическим данным. Повидимому, пока еще нельзя таврам приписывать, как это делают Бонч-Осмоловский и Эрнст, так называемую кизиль-кобанскую культуру, открытую их раскопками 1920—1926 гг.¹, ввиду ее весьма своеобразной керамики. Основным памятником в этом отношении попрежнему еще являются, как указывалось уже выше, погребения в так называемых каменных ящиках. Могильники эти разбросаны по всей Таврике, а особенно обильно они встречаются в Байдарской долине, по реке Каче и по всему южному берегу Крыма, от Кикенеиза до Алушты. Это сооружения деградирующего мегалитического типа, похожие на долмены. Прежде они так и назывались: «крымские долмены» (Dubois), да и теперь еще некоторые исследователи (например Башкиров) называют их «долменообразными каменными ящиками». Каждая гробница состоит из четырех громадных вкопанных в землю каменных плит, поставленных на ребра и образующих ящик; сверху, обычно на уровне поверхности земли, он прикрыт пятою плитой, особенно массивной (до 3½ метров длиною,—например в могильнике под Ялтой)². Некоторые из них имеют еще и каменную ограду из кольцеобразно расположенных камней (так, в могильнике при деревне Скеле); встречаются и ящики, покрытые значительной курганной насыпью (так, в урочище Мал-Муз). От долменов они отличаются своим подземным характером, и если большинство из них теперь и подымается над поверхностью земли, то это, главным образом, благодаря размывам почвы или хищническим раскопкам различных «счастливчиков». Обследования их еще в XIX в. производил Уваров, а затем, в XX в., они были основательно обследованы Репниковым³.

Раскопки эти выяснили, что погребения в каменных ящиках производились в скорченном положении—показатель очень низкого уровня общего мировоззрения народа, которому принадлежат эти памятники. Вместе с тем оказалось, что погребения эти были коллективные: более ранние костяки отодвигались в сторону при погребении новых покойников. Благодаря этому, например, в могилах Мал-Муз с каменными ящиками под курганом (наиболее ранняя их форма) было в каждом от 10 до 68 черепов с огромным количеством прочих костей. Инвентарь очень бедный и исключительно медный и бронзовый—все вещи, весьма близкие к гальштаттскому типу: медные скифского типа наконечники стрел и копий, медные серьги и спиралеобразные очковидные подвески, крученые гривны—вообще преобладание спиральных мотивов в украшениях. Если среди этого и найдено несколько железных вещей, например, отлично сделанные наконечники стрел и короткие железные мечи, то эти вещи единичны, явно чужеземного характера и представляли, видимо, здесь в свое время необычайную редкость и ценность, а может быть, даже попали в эти погребения и позднее. Наоборот, довольно часто встречаются еще каменные шли-

¹ Бонч-Осмоловский, Доисторические культуры Крыма, «Крым», 1926, № 2, стр. 94. При этом Бонч-Осмоловский почему-то называет тавров «легендарными крымскими троглодитами»!

² См. Лыжин, Отчет о раскопках в «Изв. Общ. любителей естествознания, антропологии и географии при Моск. университете», т. 68, вып. 9, стр. 339.

³ Уваров, Мегалитические памятники в России. «Древности»—Труды Моск. археол. общества, т. VI, 3, стр. 269—290 и т. VIII, 3, стр. 187—245; также «Древности», т. VII, стр. 30—31 о раскопках каменных ящиков близ Гаспры. Репников, О так называемых долменах Крыма. «Изв. Тавр. Уч. Арх. Ком.» № 44, стр. 11 сл.

фованные топоры. Керамика крайне грубая—сосуды сделаны руками, без применения гончарного колеса¹.

Загнанные в неудобные для хозяйства и неприятные горы, теснимые с трех сторон врагами—и скифами, и сарматами, и греками, тавры сурово замкнулись и в культурном отношении. Они сохранили старые обычаи, нравы, хозяйственные приемы, ограничиваясь самодельным хозяйственным инвентарем и орудиями своих предков. Лишь в немногих внешних формах наблюдается некоторое подражание иноземному (каменные и костяные орудия, изготовленные по типу металлических, форма наконечников стрел, напоминающая скифские). Эта замкнутость их культуры приводила лишь к дальнейшей ее деградации.

Низкий уровень материального быта и техники подчеркивают и скудно сохранившиеся изображения тавров в греческом искусстве. Так, одна фреска Стасовского склепа (Жерчь) изображает бой двух варваров—всадника и пехотинца². Всадник—видимо, сармат из наемных пантикапейских дружин; он одет в остроконечный шлем, чешуйчатую броню и вооружен длинным копьем. Пеший воин—повидимому, тавр. У него красивое, с крупными чертами лицо, русые волосы, заостренная борода и усы—совсем не скифского типа. Голова его не покрыта, без шлема, нет и панцыря—только короткая подпоясанная рубаха, на ногах короткие же штаны. В одной руке у него легкий щит в виде ромба, в другой—широкий нож или кинжал. В таком же виде горца-примитива тавр изображен и на стеле, найденной в Симферополе и хранящейся теперь в Одесском музее³. Воин-тавра изображает, повидимому, и грубая глиняная статуэтка, найденная в одной из древнейших земляных могил на холме Митридата в Керчи⁴.

3

В связи с очень низким уровнем хозяйства, техники и всей материальной культуры стояла и очень примитивная социальная структура тавров. На основании материалов археологического характера можно полагать, что у них была еще клановая допатриархальная организация («первоначальный род» Энгельса) с явными признаками матриархата. Об этом свидетельствуют коллективные погребения, а также остатки построек жилого типа. Это весьма значительные помещения, как бы приспособленные для коллективного быта. Стены их сложены из громадных камней, что при возведении их требовало коллективной работы, а внутри их—различные отбросы и черепки грубой глиняной утвари—показ их жилого назначения⁵. Были у тавров и еще более монументальные строения—городища с каменными мегалитической кладки стенами—настоящие циклопические постройки. Лучше всего остатки их видны на Аю-Даге, на Ай-Тодоре и на горе Кошка под Симеизом, на Кастеле, везде в тесном соседстве и явной связи с некрополями из каменных ящиков. Расположены они на выступающих в море высоких мысах и представляли собою настоящие пиратские берлоги, откуда делались внезапные налеты на проходившие мимо торговые суда и куда затем волокли захваченную добычу. Видимо, они были тоже заселены значительными, вероятно, по-военному организованными коллективами. Так, периплы называют некоторые из них даже «гаванями»,

¹ Репников, ИАК, вып. 30, стр. 144 сл.

² ОАК за 1872 г. СПб, 1875, табл. VI; Ростоцев, Античная декоративная живопись на юге России, СПб, 1914, стр. 340 сл., табл. LXXVIII.

³ Уваров, Исследования о древностях южной России, СПб, 1851, табл. XXXVI, 5.

⁴ ОАК за 1872 г., СПб, 1875, табл. XVII, 5.

⁵ Репников, Предполагаемые древности тавров, «Изв. Тав. Общ. истории, археологии и этнографии», № 1, стр. 139.

⁶ Вестник древней истории № 3 (8).

например: «Таврский город Плакия», «многие таврские гавани» на восток от мыса Крию-Метопон (Плиний, IV, 85), «гавань Афинион или гавань Скифотавров», «гавань Ламнада в Таврической земле», «гавань Символов, также Таврическая» (Арриан, 30, за ним перипл безымянного автора, 78)¹.

Что эти коллективы имели еще допатриархальный характер, можно предполагать на основании ряда косвенных признаков. Так, у тавров еще нет рабовладения, которое обычно уже вполне оформляется в эпоху патриархально-родового строя. Тавры же еще рабами не пользуются, почему и пленников поголовно истребляют. Именно так можно понять знаменитое свидетельство Геродота (IV, 103) о «свирепости» тавров: «С неприятелями, попавшими в плен, они поступают следующим образом: каждый отрезает неприятелю голову и уносит с собой домой; потом натывает на длинный шест очень высоко над домом, большею частью даже над дымовой трубой. По словам тавров, это стражи, поднимающиеся в воздух над целым домом». «Всякого эллина,—говорит он в другом месте,—потерпевшего кораблекрушение или захваченного в море, они приносят в жертву своей богине-деве и поступают при этом так: после предварительного освящения жертвы бьют ее по голове дубиной... Тело жертвы бросают вниз со скалы, на которой помещается святилище, а голову насаживают на кол»². Что это свирепое обращение с пленниками является не выдумкой и не перепевом мифа об Ифигении и Оресте и что оно практиковалось и в более позднее время, показывает латинская надгробная надпись II в. н. э. из Херсонеса в память вольноотпущенника Ведия Фрепта, «врача, убитого таврами» (IRE, I², 562). И мирная профессия убитого и форма сообщения об его «убийстве» говорят о том, что здесь имеется в виду не гибель в бою. В таких случаях обычны более пышные эпитафии, например: «его убил завистливый Арей в бою за отчизну» (IRE, I², 482), или: «грозный номадов Арей любезного Лизимаха сразил, и над погибнувшим мужем раздались всеобщие стоны» (IRE, II, 171). В данном же случае автор надписи сообщает о гибели Фрепта, как о прямом злодеянии, совершенном вне военной обстановки, весьма обычном у тавров и всем поэтому понятном без лишних слов. В таком же тоне рассказывает и Тацит (Апп., XII, 17) о злосчастной участи нескольких римских кораблей в 49 г. н. э., возвращавшихся после победы над бывшим боспорским царем Митридатом II и его союзниками—сираками: «Римское войско... находилось в трех днях пути от реки Танаиса. При возвращении счастье нам изменило: некоторые из судов (войска возвращались морем) были отнесены к берегам тавров и захвачены варварами, причем были убиты начальник когорты и большинство людей вспомогательного отряда».

Можно, однако, найти у тавров и прямые следы матриархата, который и аргюи следует предполагать на этом низком уровне материальной культуры—ведущего значения в хозяйстве их охоты, рыболовства, мелкого скотоводства, зачаточного, вероятно, мотыжного женского земледелия и грубой керамики, тоже до введения гончарного колеса являющейся обычно женским производством. О существовании матриархата свидетельствует весьма определенно господствовавший у тавров примитивный культ великого женского божества. Так, Геродот, сообщая о человеческих жертвоприношениях у тавров, называет их главное божество «девственной богиней». За ним об этой свирепой богине тавров говорят и другие античные писатели (Эфор, Страбон и др.). Подробнее всех—Овидий в своих «Tri-

¹ Напротив, 6 oppida: Orgoceni, Characeni, Assyрани, Staeteri, Aeisalitae, Caliard, которые перечисляет Плиний, IV, 85, не таврские, к которым напрасно их причисляет Ростоц в—Скифия и Боспор, стр. 51—52, а принадлежали «срединным племенам» (mediterranei).

² Геродот, I, 103.

stia» (Lib. III, ep. 2) в виде рассказа старого тавра. «Есть в Скифии местность, которую предки называли Тавридой. Я родился в этой стране и не гнушаюсь своей родиной. Это племя чтит родственную Фебу богиню. Еще и ныне стоит ее храм, опирающийся на огромные колонны; к нему ведут сорок ступеней. Предание говорит, что там был ниспосланный с неба кумир. Не сомневайся, еще и ныне там стоит подножие, лишенное статуи богини. Алтарь, который был сделан из белого камня, изменил цвет и ныне красен, будучи окрашен пролитой кровью. Священнодействие совершала жрица»¹. Интересную подробность сообщает Аммиан Марцеллин (XX, 34); по его словам, Диана тавров, которой в жертву приносили иностранцев, называлась Орсилохою (Orsilochē), т. е. «побуждающая родить» «рожаница». Совершенно тем же именем Ὀρσίλοχος называет и Ифигению Никандр Колофонский в своих «Превращениях» (Ἐτεροιούμενα)². Это же вскрывает нам смысл и геродотовского сопоставления великой богини тавров с Ифигенией (Ἰφι-γένεια—мощью рожденная). Доминирующее значение культа этой «рожаницы», или богини-матери, в Таврике свидетельствует о сильных элементах матриархата у народа тавров.

Мы имеем теперь и археологические подтверждения существования в Таврике этого культа. Правда, долгие, горячие и страстные споры историков, археологов и крымоведов о местоположении знаменитого, мифами прославленного святилища тавров и их усердные старания его открыть закончились полной неудачей.

Однако случайно удалось все же обнаружить один второстепенный и уже довольно поздний центр культа этой богини и, как правильно предполагал Бларамберг, в самой середине таврами заселенной области. Так, в 1905 г. известный крымский археолог Бертъе-Делагард открыл в горах под Ялтой, за Верхней Ауткой, в урочище Селим-Бек, лесное святилище варварского женского божества, которое функционировало с начала I до середины IV в. нашей эры³. Вместе с большим количеством (более 1000) херсонесских, боспорских и римских монет этого времени здесь найдены бронзовые браслеты и «кольца змейками» (т. е. того же спирального типа, что и в таврских погребениях в каменных ящиках), очень грубо сделанные серебряные вотивные дощечки, черепки очень грубой туземной глиняной посуды и множество челюстных костей свиней, овец и собак—видимо, остатки жертв, состоявших из одних голов этих животных. Самую же интересную находку представлял ряд женских терракотовых статуэток. «Статуэтки эти,—пишет Бертъе-Делагард,—весьма своеобразны: подобных им я еще не встречал. Лучшие из них представляют женщину в гиматии, наброшенной на голову, со сложенными руками, причем правая рука приложена к лицу. Высота наибольшая—около 15 см. Работа обыкновенная, плохая, греческая, с мало рельефными, как бы смазанными частями фигуры и одежды. Затем найденные фигурки ухудшаются: черты их все более и более сглаживаются, и, наконец, они переходят в нечто вроде пирамидок, сверху которых зашипнутые кусочки глины изображают нос. Сама глина и обжиг, довольно хорошие в первых, становятся затем очень плохими, а последние едва и грубо обожжены. Впечатление такое, что первые фигурки—привозное изделие греков, а потом местными мастерами делаются грубые подражания»⁴.

¹ Л а т ы ш е в, Изв. древн. писателей, т. 2, стр. 97.

² N i c a n d r i Fragmenta, ed. Schneider, 58.

³ Б е р т ь е - Д е л а г а р д, Случайная находка древностей близ Ялты, «Изв. Одесск. общества истории и древностей», 1907, т. 27, стр. 19—27.

⁴ Часть статуэток была передана в Музей Одесского общества истории и древностей. Вызывает, однако, сомнения, которые же из этих статуэток древнее: по Бертъе-Делагард, выходит, что древние лучше исполненные, а более примитивные являются более поздними. Не наоборот ли?

Святилище это, как показывают даты монет, существовало еще почти за целое столетие до оккупации Таврики римлянами и продолжало действовать и после них, до эпохи Константина. Следовательно, оно может быть приписано только таврам. А потому и статуэтки должны изображать таврскую богиню, которой в этом местном скромном и позднем святилище приносили в жертву не головы людей, а мелких домашних животных, почему и найдены только их черепные кости. Можно предполагать в Крымских горах существование и других подобных же малых святилищ, служивших центрами культа для родовых объединений древних тавров, чествовавших в них своих «рожаниц», т. е. родоначальниц. А отсюда можно заключить о пережитках матриархата в общественном строе древних тавров.

4

О политическом строе тавров, при таком низком уровне их общественного развития, разумеется, не может быть и речи. Если Геродот (IV, 102) и упоминает о «царях тавров» (βασιλεῖς Ταύρων), а Николай Дамаскин (Fr. 120) сообщает даже детали погребальных обрядов «таврских царей»,—что «тавры вместе с царями погребают преданнейших друзей, а царь по смерти друга отрезывает себе часть уха или целое, сообразно с достоинством умершего», то и в том и другом случае слово «цари» (βασιλεῖς) должно быть правильное передано словом «старейшины», «вожди». Впрочем, в оценке второго из этих известий, именно сообщения Николая Дамаскина, современные исследователи резко расходятся: в то время как Латышев считает его свидетельство сомнительным и, вероятно, к Таврике не относящимся, М. Ростовцев, наоборот, видит здесь показания «лица, наблюдавшего жизнь тавров в реальной обстановке», «черту быта, близко напоминающую быт кочевников вообще... общераспространенную черту ритуального изуродования»¹, что, пожалуй, и справедливо, так как есть основания думать, что Николай Дамаскин и здесь следует Эфору, на которого непосредственно ссылается в следующих же, ближайших строках. Во всяком случае, необходимо признать существование у тавров какой-то весьма крепкой военно-родовой, боевой организации, которая способствовала сохранению ими своей национальной независимости вплоть до римской эпохи, до конца I в. н. э. По отношению к скифам и сарматам тавры во всех наших источниках выступают как равноправные их союзники, вместе с ними громят греческие пограничные поселения (Балаклаву) и совершают набеги на греческие территории. Да скифо-сарматы, видимо, и не очень интересовались этой бедной, неудобной для скотоводства и земледелия страной, «суровой, гористой, подверженной зимним бурям» (норд-ост!), как изображает ее нам Страбон (VII, 4, 2). Во всяком случае, никаких следов скифской культуры на территории Таврики мы не имеем. Но не могли сломить сопротивление тавров и соседние с ними греческие полисы. Так, владения ближайшего к таврам греческого соседа—Херсонеса—распространялись преимущественно вдоль степного северо-западного берега Крыма. Об этом определенно свидетельствует знаменитая надпись с присягой херсонесцев, относящаяся, по меньшей мере, к III в. до н. э., т. е. к эпохе наибольшей силы и расцвета Херсонеса. В то время как здесь дважды упомянуты западные его порты—Керкинитида и Прекрасная гавань, беречь и охранять которые наравне с своим городом клянутся граждане Херсонеса, ничего не говорится в ней о поселениях к югу и востоку, не упомянуты даже ни Ктенус (Инкерман), ни Симболон-Лимен, т. е. Балаклава:

¹ В. Л а т ы ш е в, Известия, I, 455, пр. 1; М. Р о с т о в ц е в, ИАК, 65, стр. 193.

видимо, в этой стороне у херсонесцев в III в. еще не было значительных селений. На Гераклеийском полуострове владения херсонесцев не заходили в IV—III вв. на восток далее мыса Фиолент. Притом поселения здесь были необычайно тщательно укреплены, что свидетельствует об их опасном пограничном положении. В Юхаринской балке, в балке Бермана, на территории б. дачного поселка Александриады теперь зарегистрировано около 80 отдельно стоящих мощных башен, сложенных из колоссальных каменных блоков (некоторые до 3½ метров длины и 1½ метра ширины: например башня № 45 в Александриаде, раскопанная в 1924 г. археологической экспедицией под руководством проф. И. Н. Бороздина)¹. Некоторые из них (например башни №№ 31 и 32, так называемые «Близнецы», или башня № 21, раскопанная в 1928—1929 гг.) имеют своеобразный панцирь из громадных тесаных камней, охватывающий стены внутреннего жилого здания, причем в целях усиления сопротивления внешним ударам кладка имеет наклонный («пирамидальный») характер. Между башнями идут высокие стены, отграничивавшие их полевые участки—повидимому, виноградники, так как среди хозяйственного инвентаря башен постоянно находят виноградные прессы (тарапаны) и цистерны для стока виноградного сула. Этот укрепленный нагорный винодельческий район Херсонеса представлял собой и величественный оборонительный пояс, целый лабиринт мелких ферм-замков, защищавших город со стороны Коранских и Балаклавских высот, несомненно, от набегов незамирных еще тавров. Это те самые укрепленные постройки, которые в I в. до н. э. лежали уже в запустении и которые Страбон, повидимому, принял за развалины древнего Херсонеса («далее, за мысом Парфенион, лежит разрушенный старый Херсонес»). Они, однако, как показывает их керамика (черно-и краснолаковая посуда), не древнее IV в. и действительно временно были покинуты во II в. до н. э. в связи с усилившимся нажимом варваров. Только около 100 г. до н. э. удалось херсонесцам одержать первый успех над таврами. Жестоко теснимые скифами и таврами, которые общими силами заставили их эвакуировать Гераклеийский полуостров и отняли у них Прекрасную гавань и Керкинитиду, херсонесцы обратились за помощью к Митридату VI Евпатору, царю Понта, овладевшему к этому времени и метрополией Херсонеса—Гераклеей. Присланный Митридатом с войском полководец его Диофант, родом из Синопа, как о том свидетельствует надпись в честь его, найденная в 1878 г. в Херсонесе, не только «обратил в бегство скифов, считавшихся непобедимыми», но даже «подчинил себе окрестных (*παροικοῦντας*) тавров и основал город на том месте»—повидимому, Балаклаву².

Однако еще и в I в. н. э., в эпоху Плиния, как можно судить из его описания, основная территория тавров между Балаклавой и Феодосией продолжала оставаться свободной, независимой и непокорной Херсонесу, даже как будто продвинулась за Балаклаву на запад: таврский город Плакия, по Плинию, находился уже где-то около Мраморной балки, т. е. еще ближе к Херсонесу.

Независима была Таврика еще в это время и от другого своего греческого соседа—от Боспора. Одна боспорская надпись IV в. определяет владения Перисада I (347—309) «от пределов тавров вплоть до границ земли Кавказской»³. И в титулах боспорских царей Спартокидов, которые любили перечислять подчиненные им народы, нигде не упоминается имя тавров. Даже Аспург, сын знаменитой Динамии (правил с 8 г. н. э.), называет

¹ И. Н. Б о р о з д и н, Новейшие археологические открытия в Крыму (раскопки на Гераклеийском полуострове). Научная ассоциация востоковедения, М., 1925.

² Так, С е л и в а н о в, О Херсонесе Таврическом, Одесса, 1898, стр. 22; ср. также E. M i n n s, *Schythians and Greeks*, 1913, p. 519.

³ IPE, II, 9: *βασην ὑφ' ἑαυτὸν τέμνοντες ἀπὸ τοῦ τὰ τῶν Κανθαρίων τε ἐν τῷ ἑξῶτιν ὄρει.*

себя: «царем всего Боспора, Феодосии, синдов, и маитов, и тарпитов, и торетов, и писов, и танайтов» (IPE, II, 36),—тавров, как видим, еще нет.

Они упоминаются еще как враги—над ними и скифами Аспург одержал победу (*ὑποτάξαντα Σκύθας καὶ Ταύρους*). Зато надпись, датированная 193 г. н. э. и, следовательно, относящаяся ко времени боспорского царя Тиберия Юлия Савромата (175—210 гг. н. э.), прославляет его, между прочим, за то, что он «покорил сирахов и скифов и землю таврическую присоединил по договору» (IPE, II, 423)—надо полагать, по договору с Римом, который в это время уже оккупировал Таврику. Таким образом, и от Боспора Таврика была независима вплоть до конца II в. н. э.

Эта независимость Таврики от греков подтверждается косвенно и отсутствием каких-либо археологических памятников греческого происхождения на всей ее территории. На всем протяжении южного берега Крыма и всей тройной цепи замыкающих его Крымских гор не зарегистрировано ни одной находки предметов эллинской культуры¹. Исключение составляет одна каменная плита с греческой надписью III в. до н. э. с посвящением Гераклу (IPE, I², 684), хранящаяся теперь в Феодосийском музее. По показаниям Кеппена, она найдена была между Гурзуфом и Никитой². Она сильно попорчена, и происхождение ее спорно: одни считают ее за пантикапейскую (IPE, I, стр. 515), другие—за херсонесскую. Вероятно, попала она на южный берег Крыма случайно, как, например, и знаменитая херсонесская надпись с башни Зенона, которая открыта была Палласом в Симферополе, а затем оказалась в Алушке и отсюда уже была доставлена в Херсонесский музей³.

Таким образом, мы можем говорить о полной независимости тавров вплоть до конца I в. н. э. И эта независимость была не только политической, но и культурной. Это объясняется тем, что, с одной стороны, эллины избегали селиться в горной части Крыма ввиду неблагоприятных почвенных ее условий и примитивной свирепости нравов ее населения; ввиду его крайней бедности они не заводили с ним и торговых сношений. С другой стороны, и сами тавры, повидимому, сопротивлялись влиянию культуры чужеземцев, теснивших их со всех сторон. Однако следы такого влияния сохранились. Так, в Херсонесе найден надгробный памятник, сильно попорченный, с надписью «Таврская женщина» (имя ее пропало). Была ли это жена или любимая рабыня кого-нибудь из богатых херсонесцев—решить трудно. Раскопки 1936 г. вскрыли на территории Херсонесского городища целый некрополь с погребениями в скорченном положении и со смешанным тавро-эллинским инвентарем. Он относится к весьма ранней эпохе существования Херсонеса—к V в. или началу IV в. до н. э. Можно думать, что это были какие-нибудь замиренные тавры, оставшиеся жить поблизости недавно основанного города. Никаких других следов взаимоотношения между таврской и эллинской культурами пока не найдено, и культура тавров до сих пор продолжает нас поражать своей удивительной изолированностью и самобытностью.

¹ При раскопках В. Д. Блаватского на Ай-Тодоре в 1935 г. найдено незначительное число черепков греческих краснофигурных сосудов IV в. до н. э.—может быть, свидетельства пиратских подвигов тавров.

² Кеппен, «Крымский сборник», стр. 21.

³ «Одесский вестник», 1865, № 45.

